

Подружки.ru

ТАЙНЫЕ ЗНАКИ
СУДЬБЫ

Подружки.ru

Наталья Аверкиева
Тайные знаки судьбы

«РОСМЭН»

2011

Аверкиева Н.

Тайные знаки судьбы / Н. Аверкиева — «Росмэн»,
2011 — (Подружки.ru)

Наверное, я не могу без приключений! Они так и липнут ко мне. Началось все с того, что Поэт пропал. Только представьте, что со мной было! А потом он стал странно себя вести, и я подумала, что его околдовали. Я решила во что бы то ни стало спасти любимого, но чуть было не попала в лапы Черной Королевы и вероломной гадалки. Остается надеяться только на колоду Таро, духов и лучших подруг.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Наталья Аверкиева

Тайные знаки судьбы

Про Варю

Жизнь, любовь и безделушки

Глава 1

Солнце светит ярко. Это означает, что вы ощущаете себя сейчас особенно свободным; кроме того, вы вполне богаты – как с материальной, так и с духовной точки зрения. Хотя данный период благоприятен для вас, старайтесь не перегружать себя, постоянно держите в поле зрения главную цель.

Книга перемен. Гексаграмма 14. ДА Ю. Обладание великим

Кир подал мне руку, когда я выходила из автобуса. В тонких митенках пальцы были красными и холодными, а ладонь – неприятно шершавой из-за задубевшей от мороза кожи перчатки. Я достала из рюкзака варежки и протянула ему – пусть хоть немного погреемся.

– Не надо, – улыбнулся он и сунул руки в карманы пуховика.

– А кто меня будет держать? – тут же с наигранной обидой выпятила я нижнюю губу.

Он рассмеялся и оттопырил локоть: мол, так и быть, висни на мне. Я нагло забралась рукой ему в карман. Он сжал мои пальцы и снова улыбнулся так, как умеет только он – легко и немножко влюбленно.

Мы спешили за нашей группой по березовой аллее. Ранним утром прошел снегопад, поэтому тонкие ветви сгибались под тяжестью налипшего снега. На пригорке стоял лес, укутанный в серебряное одеяло. Под ногами снег такой белый, что глазам больно. Поэт щурился, вглядываясь в даль, а я любовалась его профилем – сморщенный нос, изогнутые брови и ехидно приподнятый уголок губ – смешной такой. Кир заметил мой взгляд и опять улыбнулся. На душе стало легко и тепло. Он у меня самый лучший.

Аллея оказалась бесконечно длинной, я даже притомилась месить снег, то поскользываясь, то спотыкаясь на разбитой тропинке. Кир стойко держал меня за руку, не позволяя упасть. Чем ближе мы подходили к озеру, тем больше я волновалась. Много про него слышала и даже слегка боялась – ведь здесь намоленные места, здесь чудеса, здесь хранится Сила. Поэт выпустил мою руку, прикурил и зашагал вперед. Я же остановилась и закрыла глаза, прислушиваясь к себе. Вдали слышались голоса и смех. Ветер нежно коснулся лица, словно погладил. Потом на макушку рухнул снег с ветки. Я потрогала его рукой и улыбнулась. Мурашки пробежали по спине, а в груди словно бабочки запорхали. Сквозь меня как будто пропустили слабый разряд тока – место приняло меня. Я это чувствовала.

– Варька, ну что ты там? – позвал Кир.

– Ха-ха-ха, да она свою родню почуяла, – рассмеялась его однокурсница Оксана.

Я покраснела и бегом припустила к Поэту. С ним безопаснее.

– Легенда озера Светлояр уходит корнями в глубокую древность, – поставленным голосом сообщил наш гид Сережа, когда мы вышли на берег. Вид у мужчины был скучающий и даже какой-то отстраненный, словно мыслями он очень далек и от Светлояра, и от Китежа, и вообще от этого места. – Местные жители считают это озеро святым и даже не смеют купаться здесь знойным летом. Хотя, конечно, глупости все это... – сам себе буркнул он. Я покосилась на него с укоризной. Сергей сделал вид, что не заметил, смешно причмокнул и пошел прочь, громко рассказывая дальше: – По легенде, в этих холмах спрятан город Китеж. Во времена татарского нашествия в тысяча двести тридцать седьмом году город исчез, унося с собой все

святыни православной Руси. Случилось это во время правления хана Батые, который разорял села, грабил города, сжигал церкви. Против него собрал войско князь Георгий Всеволодович. Не на жизнь, а на смерть сражались войска, но в итоге наши битву проиграли. Тогда князь Георгий бежал к Большому Китежу, который стоял вон на том берегу, и спрятался за его стенами. Как вы понимаете, это сослужило городу крайне дурную службу. Батый кинулся за князем в погоню. Да не рассчитал, бедняжка, что леса здесь дремучие, дороги узкие, кругом топи. Но если бы только это! – Сергей взмахнул рукой, словно фокусник, намеревающийся достать из рукава кролика. – Вы думаете, что только во время Великой Отечественной наши добивали тыл противника своими партизанскими вылазками? Копайте глубже! Как только несчастный Батый приближался к какому-нибудь населенному пункту, на него кроме комаров и мошек нападали... Кто бы вы думали?

– Партизаны! – хором ответили мы.

– Ай молодцы! – обрадовался Сергей. – Да, огромная армия Батыя растянулась на многие мили и была изрядно потрепана нашими партизанскими соединениями.

Нет, война мне не интересна. Я рассматривала противоположный берег. Озеро было похоже на гигантскую тарелку с мороженым. Снег искрился и переливался. Я заметила каких-то людей вдалеке. Наверное, паломники. Одиноким рыбак сидит на льду. Склонился, как уснувший водяной, над лункой и не шевелится.

– Интересно, а здесь русалки водятся? – Ой, какие же глупости лезут мне в голову!

– Водятся, – серьезно ответил Кир.

Потом рассмеялся, слепил снежок и кинул в меня. Загреб еще немного снега. Я видела, как за его спиной один из его сокурсников – Костя – метится Кириллу в спину. Опля! Снежок угодил в затылок. Поэт чертыхнулся и отправил предназначенный мне комок снега в друга. Тот увернулся, слепил новый. Кинул. Промахнулся. Кир бросился ему наперерез, намереваясь уронить в снег. Костик радостно вскрикнул и понесся вперед. Вроде взрослые парни, а скачут, как молодые сайгаки. «Правду говорят, что мужчины – вечные дети», – подумала я и хихикнула. Сама-то когда стала такой старой и мудрой?

– Итак, Батый осадил город и готовился утром на него напасть и сжечь...

Я отошла от гида и аккуратно спустилась по скользкому настилу к воде. Потрогала ногой лед, проверяя его крепость. Потом осторожно сделала несколько шагов. Держит.

– Барышня, не отставайте, – окликнул меня преподаватель Кирилла по литературному мастерству Владимир Владимирович.

Это была его идея провести выездной семинар. И вот разношерстая компания, где были и взрослые дяди и тети, и школьники-вольнослушатели из литературного лица в количестве двадцати человек, разбрелась по берегу кто куда.

Сергей не без удовольствия переплетал исторические факты с народными легендами, объяснял, какие исследования проводились в этих краях, как спорят ученые о происхождении озера и его котловине в форме правильного круга, о том, что, возможно, сюда упал метеорит, и еще о чем-то, о чем я почти ничего не поняла. Ребята задавали вопросы, девушки ахали и охали. Те, кому надоело слушать гида, носились вокруг и играли в снежки, валялись в снегу и всячески дурачились. Владимир Владимирович не ругался. Он добрый. Я бы очень хотела, чтобы у меня был такой отец. Потом мы что-то обсуждали по литературе. Приводили сравнения, искали параллели, вспоминали легенды о спрятанных городах и странах. Это все было так интересно, что я не заметила, как мы обошли вокруг озера.

– Однажды паломница Параскева три раза на коленях проползла вокруг озера, беспрестанно молясь, и тогда возникли перед ней ворота, встретили ее три старца и пригласили в город, сказав, что услышаны ее молитвы и это – награда за ее духовный подвиг. Но Параскева испугалась и отказалась.

– Я бы не отказалась, – излишне громко вздохнула я в тот момент, когда все неожиданно замолчали. Над озером разразился громкий хохот.

Поэт обнял меня за плечи и прижал к себе.

– А это легендарный камень Алатырь, – указал Сергей на какой-то кусок гранита с небольшой впадиной в самой середине.

Я как замороженная подошла к глыбе. Дрожащей рукой провела по холодной поверхности. Алатырь... Я наконец-то тебя увидела. Столько всего слышать, столько всего прочитывать, и вот вижу собственными глазами, трогаю собственными руками, дышу одним воздухом с тобой... Почувствовала, как спина тут же взмокла и водолазка прилипла к ней. Не верю. Я закусила губу от восторженного страха, боясь моргнуть, – вдруг проснусь, и ничего этого не будет. Алатырь – камень всех камней.

– На море, на океане, на острове Буяне, лежит бел-горюч камень Алатырь – всем камням отец. На том камне Алатыре сидит красная девица... – зашептал Кир таинственным голосом.

– Откуда ты знаешь этот заговор? – изумленно уставилась я на Поэта. Он лишь усмехнулся.

– Можно загадать желание и оставить тут монетку, – сказал он, присаживаясь со мной рядом на корточки перед камнем.

– Так откуда? – не унималась я.

– Варька, да это же детский стишок, ну что ты в самом деле? Желание давай загадывай.

Угу, стишок... Как бы не так! Я достала пять рублей, сжала их в ладони и загадала, чтобы Кирилл меня всегда любил. Ой, только, наверное, это очень смело, да? Я покраснела и положила монету в выемку.

– А что ты задумал? – спросила, когда Поэт избавился от горсти мелочи.

– У меня столько желаний, что мелочь придется занимать, – хихикнул он.

– А самое главное какое?

Он закатил глаза, тяжело вздыхая, сжал губы, потом закусил их и выдал, лукаво прищурившись:

– Мир во всем мире. – И заржал.

Я несильно пихнула его в плечо. Кир не удержался, рухнул на бок и закатился пуще прежнего. Дурак такой.

Нам разрешили погулять по окрестностям. По плану у нас еще было посещение историко-художественного музея в селе Владимирское и какие-то местные ночные развлечения. Честно говоря, мне бы хотелось побыть у Алатыря и поговорить с ним. У меня столько вопросов, но так мало ответов. Например, почему отец ушел, или сможет ли Кирилл помириться со своим папой, будет ли он со мной, как он вообще ко мне относится. Нет, понятно, что хорошо, защищает и нежничает, но я все равно боюсь, что не значу для него столько же, сколько значила прошлая девушка, которую он очень любил. Да, он посвящает мне свои стихи и даже в одном из последних рассказов наградил героиню моим именем, но вдруг это все ничего не значит?

После прогулки и сытного ужина, когда мы все согрелись, Владимир Владимирович предложил почитать стихи и рассказы, которые студенты специально готовили к поездке. Я уже привыкла к этой процедуре и спокойно реагировала на критику в адрес Поэта. А первое время, конечно, очень дергалась и злилась. Мне казалось, что он так гениален, что критиковать его нельзя. Потом я поняла, что занятия помогают лучше ориентироваться в собственных мыслях. Это очень важно – уметь понимать самого себя и делать так, чтобы тебя понимали окружающие. Я сначала слушала выступающих внимательно и даже что-то критиковала. Со мной спорили, не соглашались, доказывали обратное. Но, поддерживаемая одобрительным взглядом Поэта, я все равно не отступала. Потом я садилась к нему под бок на диванчик и чувствовала, как он слегка приобнимает меня, – значит, доволен и уверен во мне. От этого меня распирала такая гордость, а улыбка становилась такой широкой, что я невольно прикрывала ее рукой –

вдруг они подумают, что я какая-нибудь дурочка, раз постоянно лыблюсь. Женька бы уж обязательно что-нибудь сказала по этому поводу. Женька – это моя подруга и одноклассница. Она очень умная и всегда говорит колкости.

Ближе к полуночи меня начало клонить в сон. Рядом с Поэтом было так хорошо и уютно, рассказ какой-то женщины про вересковый мед и весну навевал тоску и делал веки тяжелыми. Я еще краем уха слышала, как Кирилл что-то ей говорит, слышала, как Оксана, которая сидела по другую сторону от меня, защищает унылое творение. Я пыталась бороться с собой и даже старалась не зевать, но...

Мне снилось, что я лечу. Вот так широко расправила крылья и лечу. Внизу хлопья облаков, похожие на клочки ваты, вверху все такое ярко-синее, а внизу прозрачно-фиолетовое. Красотища! Потом я аккуратно приземлилась на одну из мягких перин, подсвеченную розово-золотыми лучами заходящего солнца. Сверху на плечи легло что-то волшебное пушистое, пахнущее летом.

– Спи, – кто-то прошептал тихо и провел рукой по голове.

Я сонно улыбнулась.

– Кир, это безумие! – зашипел женский голос сбоку.

– Все будет хорошо.

– Ты понимаешь, что это опасно? Ты сошел с ума? – злился голос.

– Не каркай, – ухмыльнулся Поэт, и я окончательно проснулась.

– Кирилл? – села на постели.

– Ну что? – застыл он в дверях. – Даже не вздумай меня отговаривать!

– А ты куда? – На душе сразу же стало как-то тревожно.

– Куда? – недовольно взмахнула Оксана руками. – Он с ребятами поспорил, что обойдет озеро три раза! Нормальный человек? Кто претя не пойми куда среди ночи? Вот зачем все это? А если...

– Ксюх, я большой мальчик, – строго посмотрел он на однокурсницу.

– Кира, но она права, – влезла я на правах его девушки.

Поэт посмотрел на нас удивленно-осуждающе.

– Вы меня перед мужиками опозорить, что ли, хотите? – спокойно спросил он голосом, не терпящим возражений.

Оксана фыркнула и отвернулась. Я недоуменно смотрела, как он вышел из комнаты, а через секунду его тень скользнула вниз по противоположной стене.

– Кирилл! – закричала я, бросаясь за ним вдогонку.

– Не торопись, он уже ушел, – мрачно буркнула Оксана. – Ой, какой идиот!

– Но зачем?! – воскликнула я, подбегая к окну и вглядываясь в вязкую черноту. – Что это за глупый спор?

– Это все Сергей. Он сказал, что тот, кто после полуночи в полнолуние обойдет Светлояр, увидит Китеж.

– Так полнолуние было два дня назад, – дернула я плечами.

– Вот иди и скажи им! Кира сказал, что, типа, он смелый, он обойдет. Вот нормальный?

– И что теперь делать? – охнула я, ухватив ее за руку.

– Что-что? – проворчала Оксана. – Ждать... Мы же не хотим опозорить его перед всеми. –

Она недовольно поджала губы и нахмурилась.

Я бессильно опустила в кресло рядом с окном, обняла колени и уткнулась в них носом. Ну почему он у меня такой... смелый?

Глава 2

Вы станете участником ряда перемен и преобразований в личной жизни других. Тщательно анализируйте, оценивайте события. Вы можете потерять друга. Скоро вы совершите нечто такое, что ошеломит ваших знакомых, а быть может, и вас самих.

Отношения с окружающими у вас не в порядке, возникающие отсюда проблемы способны помешать исполнению ваших желаний, так что отношения необходимо прояснить. Будьте предусмотрительны!

Книга перемен. Гексаграмма 18. ГУ. Исправление (порчи)

– Варя... Варвара, просыпайся, – теребила меня за плечо Оксана.

Я зевнула, натянула одеяло повыше и решила, что пять минут можно еще полежать – в комнате прохладно, а вылезать из-под теплого одеяла не хочется.

– Варька, вставай! – дернула она одеяло на себя. – Нам выходить через пятнадцать минут. Автобус уже пришел.

– А завтрак? – кое-как разлепила я единственный проснувшийся глаз. Второй в знак протеста закрылся особенно плотно.

– А завтрак ты проспала. Я тебя уже час не могу добудиться.

– То есть я теперь должна отощать и умереть? – попыталась я состроить трагичное лицо, все так же взирая на мир не до конца разлепленным глазом.

Оксана окинула мою безвольно раскинувшуюся на кровати тушку заинтересованным взглядом, а потом кивнула в сторону прикроватной тумбочки:

– Яйцо, пирожок с капустой и пакетик сока должны спасти твой род от вымирания.

– Хм... – покосилась я на провиант и похлопала себя по впалому животу. – Маловато будет для моего молодого, растущего организма.

– Молодой организм сейчас останется в этой деревне. Вставай, соня! – громким голосом приказала Оксана и стащила меня за ногу с кровати.

Я хотела было возмутиться, что со мной обращаются столь неуважительно, типа, если я маленькая, то все можно, но передумала – слишком холодно. Накинув на плечи свитер и завязав рукава, чтобы тот не свалился, я, как была в трусах и майке, потопала умываться. Мама родная, что за квазимодина смотрит на меня из зеркала? И не говорите, что это я! Чур! Чур меня! Я включила воду и принялась отмывать лицо от последствий бессонной ночи. Нельзя, чтобы Кирилл увидел меня такой безобразной! Кирилл! О боже! Я забыла о Поэте!

– Оксан, а Поэт не спрашивал обо мне за завтраком? – выйдя из ванной, спросила я как бы между прочим, изо всех сил делая вид, что ее ответ меня вообще не волнует.

– Нет, – чуть помедлив, кинула она через плечо, складывая вещи в сумку.

В груди неприятно екнуло. Ах, вот как! Ну и пожалуйста, ну и не надо и не очень-то хотелось.

– Ты сопишь, как ежик, – улыбнулась девушка, оборачиваясь.

– Да хоть как, – обиженно хмыкнула я и принялась собирать по номеру разбросанные вещи.

Он про меня не спрашивал, представляете? Кирилл даже не озадачился вопросом, где я! То есть я ему не нужна. Вместо того чтобы зайти после завтрака и разбудить, он даже не удосужился узнать, все ли со мной в порядке. Я, значит, из-за него переживала, ночь не спала, а ему до меня нет никакого дела. Ну и ладно! Я, может быть, тоже теперь обиделась.

К автобусу мы – я, Оксана и еще три девушки – подошли ровно в девять. Я забросила вещи в багажное отделение и уселась на свое место у окошка, вставив в уши капельки наушников. Надо сделать музыку погромче, чтобы не слышать его оправданий. Если вообще он станет оправдываться. А может быть, он даже не станет со мной общаться? Нет, это я не буду с ним общаться! Это я на него обиделась. Я ведь просила его вчера остаться, и что? Разве он меня послушал? Парни всегда такие! Они никого не уважают, делают что хотят...

– Варь, а тебе Кирилл не звонил? – перевесился через спинку сиденья один из однокурсников Поэта. Я, к сожалению, не всех знаю по именам.

– Нет, – рявкнула я и демонстративно отвернулась.

Парень чертыхнулся и куда-то унесся.

Если бы он хотя бы позвонил, мне было бы не так обидно. С другой стороны, а зачем ему звонить?

– А чего мы стоим? Кого ждем? – спросила я у девчонок, выглянув из автобуса. Мороз тут же ущипнул меня за щеки и нос. Что же так холодно, ведь еще только ноябрь?

– А ты разве не знаешь? – хмыкнула высоченная блондинка, которая даже по лесу вчера лазила на шпильках.

– Кир пропал, – нервно дернула плечом ее соседка и глубоко затагнулась.

– ЧТО?! – Горло сжало, а сердце остановилось.

– Ты не знала, что ли? – снова ухмыльнулась блондинка.

Нет, черт побери! Я тут сдаю экзамены в театральный вуз!

– Варь, да вернется он, куда тут деться можно? – участливо посмотрела на меня Оксана.

– Когда? – выдавила я кое-как.

– Ну... ребята поспорили...

– Наши на озеро пошли...

– Почему ты мне не сказала? – повернулась я к Оксане.

– Надеюсь, что его найдут... – виновато отвернулась она.

Я растерянно перевела взгляд с одной девушки на другую, потом на третью, сползла на автобусную ступеньку и закрыла лицо.

– Курить будешь? – спросил кто-то тихо.

Я мотнула головой. Не курю я. И даже не пробовала никогда. Я же просила его вчера. Я умоляла его не уходить. Вот куда он потащился в незнакомом месте один-одинешенек?

– А милицию вызвали?

– Приехали уже.

– Может, обойдется?

– Грушевский вечно найдет себе приключение. Ни единого раза не было, чтобы он какой-нибудь фортель не выкинул. Человек – несчастный случай.

– Сплонь, дура, – переговаривались они между собой, пока я пыталась прийти в себя.

– А где все? – едва слышно спросила я.

– Кирюху ищут, – быстро отозвалась Оксана.

– Значит, найдут, – кинула я рассеянно и ушла на свое место в автобус. В рюкзачке карты.

Впервые в жизни я боялась вытащить аркан. Держала колоду между ладонями и согревала карты собственным теплом и невеселыми мыслями. Руки дрожали. Колени подгибались. В голове все так же звенит. А если... Если я сейчас вытащу какую-нибудь Смерть? Или Дьявола? Или Рухнувшую Башню? Пока я не знаю, что с Кириллом, то просто боюсь за него. А если выпадут эти арканы, то... Я буду знать.

Перетасовала колоду еще раз, молясь, чтобы какая-нибудь карта сама решила судьбу Поэта и выпала из общей массы. Такое чувство, что они специально жмутся друг к другу, лишь бы оттянуть момент приговора. Как холодно. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, только живи. Ты так мне нужен, я так тебя люблю. Ты мне и за друга, и за брата, и за отца. Ты – мой мир, мое счастье, мои мысли...

Отложила колоду. Нет, я не готова к такому. Потерла глаза и помассировала виски, плюхнувшись на сиденье. Еще никогда в жизни я так не боялась собственных карт. Таро – это не шутки. Я не готова услышать приговор. Я боюсь.

Время тянулось мучительно медленно. Девчонки звонили однокурсникам и спрашивали, как дела. Судя по их лицам, дела у нас шли неважно. Водитель слонялся без дела по салону, читал газету и пытался смотреть телевизор. Половина одиннадцатого. Мы уже полтора часа должны были быть в пути! Он хочет моей смерти? Только вернись, я лично убью тебя, Поэт! Я снова взяла колоду.

Перетасовала ее.

Сдвинула.

Достала карту.

Осталось перевернуть.

Просто перевернуть.

Руки задрожали.

– Кирилл! – раздался радостный вопль с улицы.

– Кира! – взвизгнул кто-то.

– Грушевский! Урод! – зло закричали.

– Урод... – выдохнула я, как подкошенная падая на сиденье.

Ненавижу тебя, Поэт! Я протяжно всхлипнула и перевернула карту. Шут. В прямом положении – глупость, мания, сумасбродство, бред, безумие. Убью сейчас этого шута горохового!

Я выскочила из автобуса, словно за мной гналось стадо бешеных бизонов. Кирилл был в компании ребят, милиции, гида и Владимира Владимировича. Все возбуждены, покрасневшие. Видно, что взрослые недовольны и психуют. Ребята на взводе. Девчонки радостно вешаются моему Поэту на шею. Тот улыбается виновато. Увидел меня. Наши взгляды встретились. Кирилл смотрел прямо, не отворачивался, даже не моргал. Я, наверное, тоже не моргала. Меня словно парализовало. Я не могла ни сдвинуться с места, ни что-то сказать. Мысленно я уже отвесила ему пощечину, обозвала всеми плохими словами, какие знала, и заявила, что между нами все кончено. Как он смеет так по ступать? Потом, опять-таки мысленно, я с разбегу подлетела к нему, обняла и спросила, где он был и...

– Ты... Ты... – беззвучно выдавала я, чувствуя, как слезы с подбородка каплют на пуховик, и, развернувшись, убежала в автобус.

Обратно я всю дорогу пялилась в окно и на все попытки Поэта заговорить или взять себя за руку отвечала стойким молчанием. Я даже тебя сейчас видеть не хочу. Хотя, если кому-то об этом сказать, мне не поверят.

В Москве я схватила свой рюкзачок и, пока никто не заметил, незаметно удрала. Не хочу сейчас общаться с ним. Не хочу слышать его оправданий. Ничего не хочу.

Глава 3

Везение, успех не слишком-то характерны для вашего нынешнего положения, но следует иметь в виду, что ночь наиболее темна перед самым рассветом. Обстановка вам не ясна. Вы не владеете ею, но это переходное состояние.

События, которые изменят его к лучшему, уже на подходе. А пока наберитесь терпения и ждите.

Книга перемен. Гексаграмма 9. СЯО ЧУ. Воспитание малым

Ярик ждала меня на небольшой площадке у подъезда, вытоптав на свежевыпавшем снегу какой-то иероглиф. Вид у нее был в высшей степени счастливый и очень дурацкий. После того как она начала встречаться с Ахмедом, глаза у моей Птицы стали блестеть изумрудами. Мы еще поспорили с девчонками, что надо ей кличку изменить на Кошка. Ну, правда! У нее и походка изменилась! Вот что любовь с человеком делает! Хотя на некоторых, не будем показывать на Настю пальцем, любовь действует совершенно противоположно. Эх, вы бы видели, какой номер тут отчебучила Козарева. Если бы я была парнем, а Настя моей девушкой, мне бы было стыдно. Серёжке памятник надо ставить за терпение.

– Варька! – громко и радостно крикнула Птица и запустила в меня снежком.

Снежный комок больно ударил в плечо и рассыпался. Я недовольно зыркнула на подругу и отряхнула пуховик.

– Эй, ты чего? – подскочила она ко мне.

– Что это? – кивнула я на каракулю на снегу.

– Смотри, тут такие элементы, – с готовностью начала объяснять Ярик. – Вот коготь или когти, рука. Вот тут крышка и сердце. А это означает грациозность, ходить.

Я скептически скривилась.

– Ерунда какая-то.

– Почему ерунда? Это иероглиф аi – любовь. Ай.

– Ай... И даже по-японски любовь как-то глупо выглядит, – вздохнула я и испортила ногой все творение Ярославы.

– Что случилось? – напряглась она тут же. – Он тебя обидел? Варя!

– Нет. Все нормально.

Подруга остановилась, взяла меня за плечи и слегка встряхнула, пристально глядя в глаза.

– Немедленно рассказывай.

– Яр, правда, все хорошо, – отмахнулась я.

– Он к тебе приставал?

– Нет.

Она облегченно выдохнула.

– Он тебя оскорбил?

– Нет.

Она задумалась, пытаясь придумать новые «Он тебя...».

– Он поспорил с друзьями и ушел ночью на озеро, хотя я была против. А утром пропал. Вызывали милицию, его искали...

– Кирилл пропал? – перебила она. – Совсем?!

– Да нашелся уже. Кому он нужен?

На лице Птицы отобразилась вся гамма чувств, главным из которых стало разочарование.

– Нашелся? А ты чего тогда кислая?

– А я на него обиделась! Знаешь, сколько всего я пережила, пока его не было?! – возмутилась я.

– Представляю... – обняла она меня.

По дороге я жаловалась ей на Кирилла и его выходку. Птица, как самый главный знаток мужской психологии, начала мне объяснять, что для всех парней без исключения важно мнение коллектива и мне нельзя идти вразрез с ним, надо поддерживать Поэта в его начинаниях и быть верной боевой подругой. Но не приставучей. Приставучих они не любят. Вообще Ярику можно доверять в вопросах мужчин. У нее три брата, общается она преимущественно с ребятами и считается в мужской компании своим в доску парнем.

– Что же мне делать?

– Ты ведь ему уже свое недовольство продемонстрировала?

Я кивнула.

– Но ведь он даже не звонил мне! Не прислал эсэмэс! Не спросил, как я добралась, и даже не написал мне письмо по электронке!

– Думаю, ждет, пока ты остынешь. С другой стороны, мало ли что произошло на озере. Может, он увидел тот заброшенный город.

– Ну точно! И старцы отворили для него свои ворота. Точно-точно.

Ярик рассмеялась:

– А меня Ахмед познакомил со своими друзьями из МГУ! Ой, Варя, они все такие умные! Вот мы считаем, что Точка гений, а там таких хоть ложкой ешь!

– И все такие же зануды? – ухмыльнулась я.

– Есть даже хуже, – прикрыв рот ладошкой, приснула она. Все-таки Ярик умеет поднять настроение.

В школе я стала центром Вселенной, потому что Настю интересовало все в мельчайших подробностях. Точка просто спросила, как прошло, и, услышав мое «нормально», вернулась к своему ноуту. Не нравится она мне. Грустит постоянно. Раньше хоть язвительно огрызалась, а сейчас вообще скисла.

Уроки шли своим чередом. Я отвечала, получила пять по литературе и кое-как выжила на физике. Кирилл не звонил. Я даже несколько раз проверила батарейку, настройки звонка и позвонила себе с телефонов девчонок – все работает. А он молчит. Настя начала раздражать своим щебетом про Сережу и как они ходили в кино. Ярик обсуждала футбол с Максимовым. При этом они так горячо спорили, что Стас едва не навернулся с парты, на которой сидел. Женька рисовала какие-то странные блок-схемы, по которым должен был работать ее сайт, или чего она там выдумывает в очередной раз.

– Варя, да ты совсем меня не слушаешь! – возмутилась Настя.

– Слушаю, – автоматом отозвалась я. Почему он не звонит? Ни эсэмэс, ни звонка, ничего... – Точка, а у тебя тут Интернет ловится?

Женька, не отрываясь от монитора, кивнула.

– Дай почту проверить.

– Я занята как бы.

– Пожалуйста.

Она исподлобья глянула на меня и развернула ноут.

Я быстро загрузила сайт, набрала пароль и вошла в папку «Входящие». Ни фига! Сообщения с форума, комментарии из дневника, реклама курсов английского языка, все что угодно, но ни одного письма от Поэта. Нет, ну надо же!

– Эй, полегче, – фыркнула Точка, когда я слишком резко повернула к ней комп.

– Извини, – буркнула я.

– Варь, а Поэт не звонил сегодня? – посмотрела она мне в глаза.

Я, кажется, выдержала ее взгляд, пожала плечами и как можно легкомысленнее произнесла:

– А у него контрольная сегодня. Он занят.

– Ммм... – прищурилась Женька. – Ну-ну. – И снова уткнулась в компьютер.

После урока химии Женька зажала меня в туалете. Упершись руками по обе стороны от плеч, она нависла надо мной, как фонарь над мусоркой в парке.

– Так, значит, Поэт контрольную пишет? – с ехидной усмешкой спросила она.

– Пишет, – попыталась я вырваться, но она не дала.

– А ну рассказывай. Только начистоту. Всю правду! – приказала Женька.

– Отстань! – еще раз попыталась отпихнуть подругу. – Может, лампу еще к лицуставишь?

– Надо будет – приставлю!

– Урюпинский шарм разыграл?

– Он самый. Что произошло? – давила она строго.

– Мы расстались? – немного удивленно произнесла я, словно сама прислушиваясь к этой фразе.

– Он лез к тебе?

– Нет, мы ночевали в разных коттеджах. Девочки в одном, ребята – в другом. Там никто ни с кем не ночевал.

– Почему поссорились?

– Он ушел ночью на озеро и пропал. Его искали с милицией. Не знаю, как и где нашли.

Я с ним не разговаривала.

– Почему?

– Ты знаешь, что я пережила?!

– А он?

– Что он?

– Варя, что за детский сад?

– Отвали, – психанула я, выбивая ее руку с одной стороны и бегом направляясь к двери.

В раздевалке нас ждала одетая Ярик, Настя, как обычно, крутилась перед зеркалом. Я быстро натянула пуховик, собираясь в гордом одиночестве удрать домой.

– Давай этих, – Птица заговорщицки кивнула в сторону Насти и возившейся с сумкой Жени, – подождем на улице. Я тебе что расскажу, закачаешься!

Я лишь вздохнула... Что такого может рассказать мне Сокол, чтобы я хотя бы на секунду дочку забыла о Поэте?

– Мы на весенних каникулах снова поедем в Японию! – радостно выдала Ярослава, даже не дожидаясь, когда мы отойдем от девчонок.

– Круто, – буркнула я, все больше раздражаясь. Хотелось рыдать.

– Только я не знаю, мы же уедем на месяц, как я оставлю Ахмеда?

– Яра, до весенних каникул надо еще зимние пережить, Новый год и Рождество. Еще сто раз поругаетесь.

– Злая ты, – неожиданно «зависла» Птица, обиженно сдвинув бровки. Нет, ну что она ко мне со своим Ахмедом привязалась, а? Видит же, что я совершенно не в духе. – Вон, контрольная кое у кого кончилась, – толкнула она дверь на крыльцо. – Беги, вешайся своему Поэту на шею. – Отстранилась, пропуская меня вперед.

– Кирилл, – расплылась я в счастливой улыбке.

– Ой, только не визжи мне на ухо, – усмехнулась подруга, поправляя шапку.

Кир обхватил меня за талию и поцеловал в щеку, пощекотав кожу щетинкой.

– Как съездили? – вежливо поинтересовалась Ярик.

– Отлично. Варька только обиделась.

– Чего так? – Она сделала предельно любопытное лицо и выдула огромный пузырь из жвачки.

– Да уж рассказала небось, – хитро покосился он на меня.

Я уткнулась носом ему в куртку и сделала вид, что не слышала. Поэт положил руку мне на плечо. Улыбка расплзлась по моему лицу.

– Кирилл! Кир! – раздалось за спиной. Это Настя с Женей вышли.

– В «Слона»? – спросил он у моих друзей.

– Если только... – замялась Женька.

– Друзья моей девушки – мои друзья. Терпела же моя девушка моих друзей два дня. Думаете, я не потерплю вас пару часов?

Точка ехидно усмехнулась.

– А... – заикнулась Настя.

– Я угощаю, – заулыбался Кирилл. Спорим, что она хотела спросить про Сережку?

До любимого кафе мы доехали быстро. Дорога оказалась свободной, словно кто-то специально расчистил ее для нас. И даже наш любимый столик был не занят. Мы сделали заказ. Я взяла горячий сэндвич с курицей и большую чашку какао. Настя долго выбирала между пирожным и молочным коктейлем, в итоге заказала капучино без сахара и фруктовый салат. Ярик не мудрствовала долго и ткнула пальцем в «Цезарь» и свежевыжатый апельсиновый сок. Женька недовольно хмурилась, бормотала, что негоже обирать бедных студентов, что с нее хватит и простого сока, на что Кир улыбнулся и заказал для нее чизкейк и эспрессо.

– Хотелось бы услышать твою версию вашей ссоры, – без какой-либо подготовки мило улыбнулась Женька. Я тут же пнула ее ногой под столом.

– Да не было никакой ссоры, – рассмеялся Кирилл. – Мы поспорили с ребятами, что я ночью обойду вокруг озера три раза.

– Для такого маленького мозга такая гениальная мысль – это удивительно, – тут же съязвила Точка.

Девчонки захихикали. Поэт, улыбаясь, покосился на нее и продолжил загадочным голосом, для пушей наглядности театрально размахивая руками:

– Пришел я на озеро. А там красота: представляете луну? Она так низко-низко висит над лесом, огромная, глазастая. Само озеро блестит в темноте серебром. И по кромке леса небо с землею неровно сшивает. И вот прям мурашки по спине бегут не то от страха, не то от восторга. И тишина, как будто мира больше нет, только я, это озеро и луна.

Я заметила, что Ярик и Настя приоткрыли рты и подались вперед, внимательно ловя каждое слово Кирилла, который постепенно понижал голос до таинственного шепота.

– Сказочник. Ганс Христиан, – зевнула Женька. – Ну-ну, продолжайте.

– Чего «ну-ну»? Ну вот я и пошел, как договаривались. Иду себе, никого не трогаю. Местами страшно было, потому что тропинка от озера уходила в лес, а в лесу очень темно и вообще ничего не видно. Все нервы на пределе, слух обострился, малейший звук ловлю. Прошел первый круг – никого нет. Иду второй – уже не страшно, только холодно как-то. Думаю, вот какой интересный момент в моей жизни, надо будет это как-нибудь использовать при написании текстов. Все-таки не каждый день я по лесу ночью один гуляю. И сюжет у меня придумался почти сразу же.

– Какой? Какой? – Девчонки пододвинулись к нам поближе.

– Про Китеж. Я так четко вдруг все это увидел и представил. Хан Батый, который нападает на городские стены, искаженные узкоглазые лица, низкорослые кони. Стрелы, чего там

у них еще было? Катапульти, метаящие огненные шары? И везде дым... – Кирилл замолчал, наслаждаясь эффектом.

Нам принесли заказ. Мы торопливо расставили тарелки на столе и принялись слушать.

– Третий круг я завершил ранним утром. И к концу прогулки уже знал, как построю произведение, какие у меня будут герои, в чем будет основная мысль. Единственное, о чем я переживал, – в библиотеке нет достаточно материалов, чтобы сделать полноценный текст во всей его красоте. И вот стоял я около камня Алатырь и думал, как писать, когда своими глазами не видел, не пережил, не потрогал руками? А если бы увидел? – каким-то утробным голосом вымолвил Поэт, сооротив страшное лицо.

Настя взвизгнула. Ярик шумно выдохнула. Даже Женька перестала жевать. Она подперла голову рукой и внимательно уставилась на Кирилла.

– Алатырь – волшебный камень! – в ужасе пробормотала я. – Около него нельзя загадывать таких опрометчивых желаний! Там же хранится сила древних славян!

– Я в тот момент о силе древних славян думал меньше всего на свете, – признался он. – Я, честно скажу, чуть не умер от страха. За спиной у меня стоял какой-то мужик с бородой и в плаще. Откуда он взялся, я так и не понял.

«Хочешь увидеть Китеж?» – спросил он.

Я понял, что нельзя упускать такой шанс. «Тогда иди за мной».

Он проплыл мимо и медленно двинулся в сторону озера.

– Это бесовская сила! – на этот раз взвизгнула я, потому что Кирилл сам не знал, какой смертельной опасности себя подвергал.

– Варька, отстань со своими мракобесиями! – махнула рукой Ярик. – Что дальше было?

– Ты же видишь, что я живой и здоровый. К чему панику разводить? А дальше я пошел за стариком. Только вот какой парадокс. Само озеро не очень большое, но шли мы очень долго и ушли далеко от берега. Да так, что берега не было видно ни с одной стороны, словно я в открытом море. Только какое-то марево впереди, какое бывает летом, когда асфальт плавится. Старик остановился и взмахнул руками. И вот тут я увидел, как сквозь марево начали проступать городские стены, и услышал звон колоколов.

Точка недоверчиво хмыкнула и откинулась на спинку, скрестив руки на груди. Кир быстро закивал, словно испугавшись, что сейчас забудет что-то очень важное.

– Они вибрировали у меня вот тут, – он приложил руку к груди. – Казалось, что я стою на колокольне, в самом центре, и через меня проходит звук. Тирли-тирли-тирли – высокие переливы, а потом низкие – бом-бом-бом. Ворота града открылись. Старик пошел вперед. И я за ним. И вот около ворот я словно бы оказался между мирами. За моей спиной шел ожесточенный бой. Мимо меня пролетали стрелы. Рядом со мной умирали люди. А я шел по какой-то расчищенной снежной глади за стариком и боялся оглянуться.

– Ты что?! – От страха я схватила его за рукав.

Поэт мягко улыбнулся, накрыв мою ледяную руку своей теплой.

– Я вошел в город. Он был полон людей-призраков. На широкой городской площади под цветным шатром выступали ряженые. Красивые румяные девки с русыми и рыжими косами чуть ли не до середины бедра ходили в сарафанах и в венках из березовых веточек и ярких лент. Нарядные мужчины в расшитых косоворотках. Они все веселились, но я как будто бы был сторонним наблюдателем в некой закрытой капсуле. Они не видели меня, проходили сквозь меня, исчезали, если я долго смотрел на них. И там... Вы знаете, там не было воздуха.

– То есть как? – прищурилась Женя.

– Вот так. Он там стоял. Так перед грозой бывает, когда вроде бы дышишь, а воздух стоит.

– Старец не просил тебя остаться? – ахнула Настя.

– Старец говорил со мной. Спрашивал, ушел ли Батый и кто помог его разбить. Я говорил, что князей нет, Россия огромная, много нового в мире и Великий Китеж считается святым.

– Удивительное взаимопонимание, ага. Учитывая, что язык постоянно менялся, – сумничала Точка.

– Я не говорил. Это все было мысленно. Он спрашивал. Я отвечал. Ну или мне так казалось, – ничуть не смутился Кирилл.

– А о чем вы еще говорили? – насела Настя.

– Я не помню. Я потом всю дорогу пытался вспомнить и записать, но не смог.

– Это потому, что ты неправильно сформулировал свою просьбу к камню, – осенило меня. – Ты же хотел просто посмотреть на город, а не побеседовать с его жителями. Вот если бы ты подумал, прежде чем загадывать желание...

– Варя! – заорали на меня все хором. Точка смеялась. По ее выражению лица можно было четко прочесть, что она не верит ни единому слову.

– А что я? Я переживаю...

– Переживай молча! – велела Настя.

Я обиделась. Кир приобнял меня за плечи.

– А потом я ничего не помню. Очнулся на берегу. На улице уже было светло. Я пошел обратно в наш кемпинг и по дороге встретил ребят. Вот и вся история.

– Кир, ты хотя бы понимаешь, какой опасности себя подвергал? – воскликнула я.

– Варя, но ты бы на моем месте поступила так же! – вторил он мне высоким смешным голосом, отчего все опять захихикали.

– Прекрасная история, а главное – невероятно правдивая. Практически Фатимские явления Девы Марии, – скептически покачала Точка головой. – Впрочем, дети любят сказки. Не будь Варя моей подругой, я бы тебе доказала на раз-два всю несостоятельность твоего рассказа. Но, так и быть, промолчу. В следующий раз придумай что-то более правдивое, а то спать тянет, – и она громко зевнула.

– Ну и не верь! – тут же горячо принялась защищать Поэта Настя. – Кира, то, что с тобой произошло, это удивительно!

– А что такое Фатимские явления? – покосилась на Точку Ярик.

– Это очень известное событие, – пояснил Кирилл. – В португальском городе Фатима детям начала являться Богородица. Им сначала не верили, но потом в итоге все согласились, что событие имеет место быть. И оно, между прочим, признано католической церковью.

– Ха, если бы я была папой римским, я бы тоже признала этот факт. Ведь какой рычаг для управления, – ехидно улыбнулась Женька.

– Не, тебя не возьмут в папы. Ты женщина. – Не знаю, специально или нет, но Кир щелкнул Точку по ее больному месту.

– Стоп! Стоп! Женька, твой кофе уже остыл, а чизкейк развалился, – влезла я, пока друзья не подрались.

– Подождите, – развела всех по углам Ярик. – Я не поняла, так что, Поэт врет? И не было ничего? И при чем тут эти явления?

О боги!

– Никто не врет! – подскочила я.

– Ой, Ярик, расслабься. Иначе Варька превратит тебя в соляной столб, – продолжала ерничать Точка. – Или в лягушку.

– Ну уж нет! Врет или не врет!

– Не врет! – закричали мы с Настей.

– Врет! – фыркнула Женька.

Кир закатил глаза.

– Все-таки я погорячился, когда думал, что смогу выдержать два часа в обществе твоих подруг.

– Еще раз поставишь под сомнение... – зашипела я на Волоточину.

– То что? – набычилась она.

– То ты мне...

– Варя, – перебила меня Ярик. – Да она ему завидует.

– Я?! – чуть не пролила кофе Точка. Кирилл схватился за голову и жалобно посмотрел на Настю.

– Как же ты выживаешь среди них? – простонал тихо.

Настя пожала плечами, улыбнулась и прошептала:

– Они миленькие, правда? Кир перекривился и хихикнул.

Потом мы просто болтали. Настя расспрашивала Кирилла о нарядах славян и охала, что вот там-то она бы точно котировалась, потому что с ее фигурой надо было жить во времена «Рафаэлло», который оказался на деле Рубенсом. Точка, как обычно, вставляла шпильки. А Ярик громко смеялась.

Кир проводил меня до дома. Мы остановились у подъезда. Он обнял меня за талию, посмотрел в глаза и тихо спросил:

– Я прощен?

– Не знаю, не знаю, – хлопнула я ресничками, глядя в волшебноголубое небо.

Его губы коснулись моих. Я зажмурилась и с удовольствием позволила себя поцеловать.

Глава 4

Не тратьте понапрасну силы, в вашей судьбе наступила пауза.

Ждите окончания в полной готовности, не разменивайте энергию по мелочам, скоро ей найдется более приятное и полезное применение. Не пытайтесь силой ускорить ход вещей, результат может оказаться обратным.

Книга перемен. Гексаграмма 26. ДА ЧУ. Воспитание великим

Расставание – это как удар под дых, когда его не ждешь. Сначала все как в дыму, слепнешь и глоснешь от боли. Пытаешься собраться, устоять. А потом тебя выпрямляет ярость и заставляет дать сдачи, завалить противника на землю, уничтожить, сровнять с землей. И ты колотишь его, уже не соображая, что будет потом. И иногда бывает слишком поздно... Потом прозрение и страх от содеянного, и хочется вернуться назад, чтобы все исправить. Но как остановить время? Этого еще никто не придумал, и ты остаешься жить с болью всю жизнь.

Ну как?

Я честно перечитала ЭТО еще раз. В горле стоял колючий ком. Кирилл плохо выспался? Это он к чему такое написал? Он что, бросить меня хочет? Эта мысль ударила по сознанию, словно топор. Я вдруг испугалась. И даже вскрикнула, схватившись за сердце. Поэт меня бросил? Казалось, что сейчас я упаду в обморок. Вот просто так возьму и рухну на пол бездыханно, потому что дыхание перехватило, грудь сжало, а глаза заслезились. Кир меня не любит? Я заметалась по комнате. Что же делать? Он же еще вчера был таким хорошим. Мы целовались у подъезда, потом погуляли немного по району. Кир смеялся, веселил меня. Мне и в голову не могло прийти, что что-то не так. А может, это был его прощальный вечер? О, нет!

– Яра! Яра! ЯРА!!! ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ?!! – орала я в трубку, обливаясь слезами.

– Для начала перестать рыдать. Ну или хотя бы орать. А лучше и то и другое, – сонно пробормотала она.

– Яра!!!

– Кто умер-то?

– Поэт меня бросил!!!

– И чего орать? Ну бросил и бросил... Как бросил?! Да он же вчера с тебя глаз не спускал! – У Ярославы наконец-то прорезался голос.

– Бросил! – захлебывалась я слезами.

– Быть такого не может, – хмыкнула она. – Когда?

– Только что!

– Варь, он что, у тебя ночевал? – понизила она голос до вкрадчивого шепота.

– Он мне письмо прислал!

– Спятил, что ли? Что пишет?

– Это личное.

– Не, ну и какого лешего ты мне сейчас в семь утра звонишь, если это личное?

– Ты только никому?

– Клянусь.

Я прочитала ей письмо. Не знаю, что там Ярик поняла сквозь всхлипы, но я старалась. В трубке воцарилось тяжелое молчание. Я очень четко видела, как Птица морщит лоб и чешет переносицу.

– Так... Успокойся для начала. Я сейчас встану, умоюсь, оденусь и приду. Сделай мне кофе. Заодно и погадаешь. Все, давай. Отбой.

Ярослава пришла минут через двадцать. Я к тому моменту уже успела немного успокоиться. Еще минут через пять пришла недовольная Женька, а ближе к восьми нарисовалась бледная Настя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.